

— Докладываю генералу! Преступника привели! — Облачённый в рваную тюремную одежду Чао Ань, растрёпанный и неумытый, был выволочен двумя солдатами, что держали его под руки, на помост.

Толпа чиновников, находящаяся на верхнем помосте, уже заняла места согласно рангу, лишь Сяо Лю, у которого было особое положение, сидел на другом принесённом стуле возле генерала Лэ Тина, как будто третий заместитель чиновника, ответственный за исполнение смертельного приговора.

До этого оглушённый Лэ Тин, который очнулся уже сидя на коне, а после выехал из городских ворот к собравшемуся народу Фэньчэна и был любезно встречен подчинёнными, на самом деле ещё не до конца пришёл в себя.

Увидев, что стража доставила преступника, находящийся сбоку Тайцань и его сестра заплакали в голос, да так, что охрипли. Сказать откровенно, дожидаясь этого момента долгое время, а сейчас внезапно будучи охваченным дрожью, мужчина настороженно подумал: «Долгое время планировали, но я с трудом дотерпел до этого момента, ни в коем случае нельзя допустить промаха. Представление начинается!»

Воодушевление охватило душу, и мужчина, окинув взглядом стоящего внизу и готового вот-вот лишиться чувств Чао Аня, проявил генеральскую мощь, холодно произнеся:

— Заключённый, поднимите голову и назовите своё имя!

— Нич... ничтожного зовут... Чао Ань... — спустя долгое время выплюнул дрожащий мужчина, стоя на коленях.

Отчасти это не являлось притворством.

Вчера Тайцань успел тайком заглянуть в тюрьму и очень долго говорил с Чао Анем, строго-настрого приказывая следовать плану, что должен был быть продемонстрирован сегодня. Хотя Тайцань неоднократно поручался, что этот план был придуман самым умным человеком в мире — князем Мином — который, конечно, мог спасти его несчастную жизнь, но, честно говоря, такой смелый план являлся неслыханным, и никто к нему раньше не прибегал. Малейшая неудача, и он, Чао Ань, сегодня обречён... Чей голос не мог не дрожать при мысли о жизни и смерти?

— Чао Ань, ты пренебрежительно отнёсся к правящему роду, доставив кислое вино юцзы, а это преступление карается самым суровым наказанием[1]. Этот генерал сегодня, руководствуясь указом императора, приговаривает тебя к смертной казни. Тебе есть что сказать?

— Я... я... — руки несчастного дрожали, когда он опирался на деревянный помост.

Все находящиеся на площади люди понимали: мужчина невиновен, и, охая и сетуя, бросали сочувственные взгляды на него. В тот момент раздался прерывистый голос Чао Аня:

— Я невиновен... я невиновен...

— Смело! — внезапно гаркнул Лэ Тин, и, взглянув, добавил: — Есть неопровержимые доказательства, что отравленное государю вино скисло, и ты всё ещё смеешь твердить о своей невинности? Разве можно щадить за такую оскорбительную дерзость?! Этот генерал ещё раз спрашивает: есть что сказать перед смертью?

Затерявшийся в толпе Фэн Мин был так воодушевлён, что чуть ли не подпрыгивал[2] на месте.

«Превосходно! Превосходно! Честно говоря, выдающаяся игра Тайцаня уже достойна похвалы, да и Лэ Тин, кто бы мог подумать, произнёс такое вступление, по чёткому гарканью которого можно судить, что генерал немного вжился в роль». — За волнением князь внезапно почувствовал, что что-то пошло не так. — «Почему так тихо? Ведь согласно плану сейчас должна звучать самая важная реплика Чао Аня!»

Фэн Мин, задрал голову, уставился на «сцену». Да не только он, но и все зрители сосредоточенно смотрели на Чао Аня.

— Чао Ань, хочешь что-нибудь сказать? — сидящий на верхнем помосте Лэ Тин слегка нахмурился, а душу потихоньку охватывало плохое предчувствие, однако мужчина вновь громко и ясно спросил: — Этот генерал спрашивает тебя, отвечай!

Прошу тебя, скорей говори свою реплику!

Однако Чао Ань припал к сцене, не позволяя кому бы то ни было разглядеть себя. Стоящий рядом солдат подошёл ближе и, перевернув тело, увидел лицо несчастного и внезапно воскликнул от страха:

— Ох! У него припадок[3]!

Глаза Чао Аня были устремлены вперёд, а изо рта шла пена. Толпу также охватило волнение:

— Припадок! Это припадок!

— Несчастный! Он напуган! Напугался до смерти, лучше припадок, чем в ясном уме быть обезглавленным...

События резко ухудшились. И только что взволнованный князь тотчас же застыл.

«Припадок? Пена изо рта и судороги? О, Небо! Тайцань, этот тупица, ты почему не сказал, что у Чао Аня, похоже, эпилепсия, которая от сильного потрясения вызывает припадки? Всё пропало. Главный персонаж неожиданно оказался непригодным, и как теперь продолжать это потрясающее представление, которое должно было потрясти небо и всколыхнуть землю[4]?! Вот сейчас всё действительно пропало...»

Тайцань, этот идиот, тоже настолько оторопел, что забыл рыдать в голос и едва не скривился.

Караул! Почему болезнь зятя началась именно сейчас? Это... это... это разве не приведёт к смерти? Это и впрямь смерть!

— У заключённого внезапно случился припадок, можете спрашивать его, только в ответе нет необходимости. — Помощник Лэ Тина, глядя на всю ситуацию в целом, наклонился со сложенными у груди руками к генералу и с лёгкой улыбкой запросил указаний: — Генерал, скоро перевалит за полдень, да ещё здесь посланник от Его Высочества, потому с казнью можно не тянуть. Может прямо сейчас казнить преступника?

Сам же генерал в душе жаловался на свои страдания. «Что происходит? Почему ни раньше, ни позже, а именно сейчас у тебя начался припадок? По крайней мере договорил бы свою главную реплику, а потом уже бился бы в припадке, ведь этот генерал потратил столько усилий, чтобы спасти тебя».

— Это... ещё немного подождём, преступник перед смертью должен сказать несколько фраз, ведь здесь, на месте казни, всегда царит благосклонность, угу... это самое... а значит, под императорской властью скрывается любовь ко всему живому...

Видя, как двусмысленно выражается Лэ Тин, помощник полководца был крайне озадачен. «Что сегодня происходит с генералом Лэ? Оpozдал на казнь, да ещё весь в пыли, с пощёчинами на лице, а теперь говорит невнятно. Неужели он разбил голову? Он под солнцепёком уже долгое время, и нет желания оставаться под ним ещё дольше, а этот преступник рано или поздно всё равно умрёт, так к чему тратить время впустую?»

— Господин Лю, а как по-вашему?.. — отвлёл внимание Сяо Лю помощник чиновника.

Сяо Лю хоть толком не понимал, какой у этих горе-заговорщиков план, однако сейчас, конечно же, всеми силами поддерживал Лэ Тина и, состроив безучастно-отрешённый вид, блёкло ответил:

— Этот посланник всего лишь наблюдатель со стороны, всё зависит от решения генерала Лэ Тина. — С поддержкой самого посланника Его Высочества они выигрывали ещё несколько минут столь драгоценного времени.

В итоге благодаря усилиям стражников, которые потратили несколько минут, судороги Чао Аня прекратились. Спустя долгое время Чао Ань наконец-то приободрился, постепенно пришёл

в себя, вот только тело всё так же охватывала слабость, и несчастному ничего не осталось, как опираться на стражников, что держали его по обе стороны, не позволяя снова упасть.

Далее Лэ Тин спешно переспросил:

— Чао Ань, тебе есть что сказать?

Люди напряжённо смотрели на Чао Аня. Перед огромными городскими воротами, при оживлённой толпе[5] внезапно раздался очень подавленный и тихий голос:

— Я... я... — несчастный тяжело дышал и с трудом шевелил губами, и смог пролепетать только несколько едва различимых слов.

Фэн Мин пробрался вперёд сквозь толпу, чтобы хорошо видеть лицо находящегося на помосте Чао Аня, и закричал в душе: «Плохо дело!». Хотя приступ прекратился, однако безжизненный взгляд и крайне медленные движения Чао Аня давали понять, что приговорённый, велика вероятность, напрочь забыл крайне важную реплику, которую должен был сказать.

— Чао Ань, что ещё хочешь сказать? — очередной раз спросил генерал, утирая пот со лба.

Когда вопрос прозвучал, даже дураку эта ситуация стала казаться весьма странной. Какой чиновник, отвечающий за казнь, станет вновь и вновь требовать последние слова осуждённого? Если у него, конечно, не найдётся постыдной тайны...

— Генерал, преступнику уже нечего говорить, следовательно, он признаёт свою вину, — в итоге не выдержав, помощник полководца снова открыл рот. — Лучше как можно скорее...

— Несправедливо обвинён! Несправедливо обвинён! У меня есть что сказать! — пронзительный женский голос перебил слова помощника.

Множество людей опустили взгляд: до этого находившаяся возле помоста и тихо плачущая жена Чао Аня уже поднялась с земли и, ринувшись на сцену, бросилась на колени рядом с любимым супругом, запрокинула голову и воскликнула:

— Генерал, супруг этой простолюдинки точно обвинён несправедливо, прошу генерала внимательнее отнестись к данному делу! Несправедливо обвинён, несправедливо обвинён!

Будучи беременной, женщина хоть и была замученной, в лохмотьях, однако гордо держала голову, глаза её были красными, а на лице застыло гневное и свирепое выражение, находящиеся по обе стороны охранники поначалу хотели её поднять и увести прочь, но от её злобного взгляда никто не осмелился тронуть несчастную.

— Генерал, сегодня Вы убьёте моего ни в чём не повинного супруга, а в будущем обладающие душой Небеса заставят Вас возместить своей жизнью этот долг[6]!

— Смело! Невежественная женщина! — Лэ Тин тянул песню, пока в ней не осталось ни единой строки[7], и обратился к жене Чао Аня, которая вызвалась поддержать обстановку, на самом деле её самоотверженность была подобна благодатной росе после великой засухи[8]. Душа внезапно встрепенулась, глаза загорелись внушительной одухотворённостью, и, прикинувшись очень злым, генерал рявкнул: — Этот преступник совершил величайшее преступление и, собственно говоря, заслуживает смерти! В чём же он несправедливо обвинён? Ты... ты... ты... ты, кто бы мог подумать, осмелилась проклинать этого генерала? Да если бы не твоя беременность, давно бы подверглась суровому наказанию. Эй, кто-нибудь, возьмите эту женщину и уберите её с глаз этого генерала долой!

Сказав «слушаемся!», солдаты несколько смущённо сделали шаг вперёд.

Князь же, в свою очередь, стоя возле сцены, плакал из-за провала плана и уже было думал, не щадя себя, взойти на помост и вырвать приговорённого к казни из рук палача, но внезапно жена Чао Аня взяла да и выпрыгнула на сцену. Дело приняло неожиданный поворот, а Фэн Мин, опешив, смотрел на женщину и готов был взывать: «Замечательно!»

Поскольку Тайцань и Чао Ань являлись одними из участников заговора, жена, конечно же, знала реплики, которые должен был сказать её супруг. Женщина перед тем, как её утащили со сцены, подняла плач до небес и распустила проклятия на половину территории Фэньчэна:

— Лэ Тин! Ты убийца невинного человека, сдохни! Сегодня мой муж, головой подпирающий небо, ногами стоящий на земле[9], умрёт, алые брызги крови напитают землю Фэньчэна, а к Небесам поднимутся подробности несправедливого обвинения, и в конце концов наступит день, когда придётся тебе долг крови перекрывать кровью[10]! Несправедливо обвинён! Несправедливо обвинён!

Сказанные слова заставили всех вздрогнуть. Казнь преступника — обычное дело, однако эта женщина не страшилась смерти, более того, сквернословила и проклинала чиновника, стоя там на помосте, что действительно было неслыханно.

Фэн Мин в самом деле чуть не подпрыгнул, крича «долгих лет жизни!». Да хранят тебя Небеса! Эта самая важная часть монолога в итоге была сказана женой Чао Аня. А Лэ Тин, ждавший это предложение будто столетие, от волнения чуть не заплакал, но сейчас некогда было проливать слёзы, а нужно было притвориться до дрожи охваченным яростью, потому гневно рыкнул:

— Негодная! Ты... ты осмелилась сказать такие ядовитые проклятия? Неужто этого генерала напугают твои угрозы, и он не осмелится приговорить Чао Аня? — сделав паузу, мужчина принял озадаченный вид и, с беспокойством посмотрев на рядом сидящего помощника, шёпотом спросил: — Это дело... как, по-вашему, стоит завершить?

Неизвестно, была ли такая явная экспрессия слишком откровенной, но теплилась надежда, что

она не смогла вызвать сомнения противоположной стороны.

Сидящий сбоку помощник чиновника наверняка ещё беспокоился за генерала, и у него не было времени смотреть, откровенная эта экспрессия или нет, в то время как на месте казни звучали проклятия смерти в сторону чиновника, ответственного за исполнение казни, которые действительно ужасали, как и сама женщина. Ведь если осудить невиновного, то, кто знает, что случится после смерти Чао Аня. На самом деле... среди множества проклятий, построенных на крови, проклятия смерти являются самыми страшными. Такие вещи боялись даже императоры, получившие покровительство духов, то что же говорить о простом человеке?!

Вспомнив, что он тоже является одним из чиновников, помощник генерала покрылся холодным потом:

— Это... это... это... — долгое время повторял он, а потом нерешительно добавил: — Генерал, мы... может, отсрочим казнь преступника?

На что Лэ Тин решительно ответил:

— Нельзя. Согласно закону преступника необходимо приговорить к смерти, как можем мы — чиновники Юньинь — из-за страха проклятия пощадить его? Если так и дальше пойдёт, тогда каждого приговорённого к казни, кто будет проклинать нас, тотчас же будем щадить? — Этот кусок бесстрашного монолога они с Фэн Мином оттачивали, повторяя слово в слово.

Хотели, чтобы даже духи не знали и демоны не почуяли^[11] о плане спасения Чао Аня? Прежде всего нужно, чтобы люди поверили, что Лэ Тин обращается к Чао Аню без малейшего сочувствия.

— Но... но... — теперь настала очередь помощнику корчить кислую мину, — это женское проклятье, боюсь... на самом деле это злодеяние...

— Генерал... — шёпотом проговорил один из стоящих позади Лэ Тина охранников, что внезапно сделал шаг вперёд, — у Вашего подчинённого есть один способ — можно приговорить к смерти заключённого и при этом не подвергнуться проклятию.

— Э? Что за способ такой?

— Не о том ли проклятии говорите, где преступник, головой подпирающий небо, ногами стоящий на земле, умрёт, алые брызги крови напитают землю Фэньчэн, а к Небесам поднимутся подробности несправедливого обвинения? — Этот охранник также являлся звеном в плане князя Мина и уже наизусть выучил свою реплику, вот только из-за недавно возникшего непредвиденного события молодой мужчина чуть было не подумал, что лишился своего выхода на сцену, однако сейчас, разумеется, проявив актёрское мастерство, охранник, мрачно улыбаясь, проговорил: — Если генерал не позволит преступнику головой подпирать небо,

ногами стоять на земле, а крови его коснуться земли, разве тогда не избежите проклятия?

Не дожидаясь, пока Лэ Тин ответит, помощник, у которого волосы от страха дыбом встали, спешно кивнул, одобряя:

— Хорошо, этот способ хорош. Вот только... — И хмуро добавил: — Как можно сделать так, чтобы не подпирал, не стоял, и кровь не коснулась земли?

Лэ Тин крайне обрадовался, но виду не подал, лишь крикнул в душе: «Лихо-лихо!» Неожиданно его слова сейчас сказал кто-то другой.

Поскольку неосведомлённый помощник был крайне наивен, то результат превзошёл все ожидания.

— Всё просто, — телохранитель ненадолго задумался, а после заискивающе ответил: — Мы возьмём и положим его в ящик, затем ящик высоко подвесим, ступни обвинённого не коснутся земли, а голова — неба. Разве тогда он сможет головой подпирать небо, а ногами стоять на земле?

— А кровь, разве она не станет капать на землю? Неужели его кровь удастся спрятать? При обезглавливании летят брызги крови, неужели без нее можно отрубить...

— Хе-хе, это ещё проще. Мы не отрубим ему голову, а предадим его сожжению, так будет лучше.

Глаза помощника просияли:

— Верно! Сжечь его живьём! Ха-ха-ха, это отличный план! — подумав, что он уже может не контролировать исполнение казни, помощник перестал волноваться на счёт проклятия. Долгое время от такой удачи мужчина не мог подавить головокружение, только вспомнив, что является помощником, да ещё и правой рукой, мужчина спешно взял себя в руки, убрал улыбку с лица и с осторожностью запросил указаний у Лэ Тина: — А что думает генерал?..

— Хм, это решение правильное. — Прежде всего выразивший свою точку зрения Лэ Тин сделал вид, что наклоняет голову, а сам косо посмотрел на сидящего по соседству Сяо Лю. — Мнение господина Лю...

На что Сяо Лю одарил холодным взглядом как Лэ Тина, так и его охранника-provokatora, которые ловко обвели вокруг пальца генеральского помощника, да так, что у последнего голова пошла кругом, сам же Сяо Лю в душе смеялся до коликов в животе, что появлялись время от времени. Махнув руками, юноша ответил:

— Я всё так же придерживаюсь первоначальной позиции — всё зависит от решения генерала, я

вообще не суну в данное дело и носа.

— Что ж, хорошо. — И Лэ Тин повысил тон, отчётливо отдавая приказ: — Эй, стража!

— Здесь!

— Отправьте людей подготовить деревянные рейки и дайте этому генералу гвозди, чтобы он лично мог забить ящик. Не забудьте изнутри и снаружи облить ящик огненным маслом, быстрее сгорит!

Стоящие внизу солдаты хором отозвались: «Слушаемся!», и спешно отправились за рейками, ящиком гвоздей и за керосином[12] для смазки. Всё это осуществлялось под пристальным взглядом толпы.

Наблюдавший со стороны народ с ожиданием смотрел на помост, некоторые люди уже догадались, что этот ящик будут как-то использовать, и от страха резко втянули ртом холодный воздух.

Неужели генерал Лэ Тин хочет взять и живьём сжечь преступника?

После небольшого грохота ящик был собран, пять-шесть крепких солдат, тяжело дыша, подняли сделанную работу и, подойдя к генералу, доложили:

— Генерал, ящик готов и хорошо пропитан огненным маслом.

Стоящий в стороне помощник чиновника вытер со лба холодный пот и прошептал:

— Генерал, по-моему, тогда тело преступника тоже стоит облить маслом...

Лэ Тин взглянул на мужчину, который боялся, что сожжение Чао Аня будет выглядеть недостаточно правдоподобно, в душе засмеялся и, кивнув, сказал:

— Разумеется, чем ярче будет огонь, тем лучше сгорит кровь преступника. Эй, стража, на тело преступника тоже полейте масла. Да, кстати, рот ему заткните, дабы избежать новых проклятий, которыми он может вскоре разразиться.

— Генерал, преступник навряд ли сможет открыть рот, по-моему, уж если кому и надо его заткнуть, так это его жене, которая неподобающе говорит, — вновь шёпотом отозвался помощник чиновника.

— Угу, — проронил Лэ Тин, соглашаясь, — заткните два рта.

В подобном нельзя было винить мужчину, ведь по изначальному плану проклятиями должен был разразиться Чао Ань, которому потом бы заткнули рот. Иначе, когда ящик будет объят огнём, а преступник — молчать, лёжа в нём, разве это не вызовет подозрений? Потому, чтобы план успешно осуществился и ни у кого не возникло никаких подозрений, он, генерал, вместе с князем Мином и Тайцанем неоднократно всё просчитывали и вносили поправки в план.

И уже вскоре рты как Чао Аня, так и его жены были заткнуты. Масло, которое до этого наполовину заполняло ведро, также было вылито на тело несчастного. Толстую верёвку, на которую вот-вот должны были повесить ящик, уже подготовили — вымочили водой, а промежуточную вставку, что помогала верёвке крепиться к ящику, обернули железной пластиной, дабы верёвка преждевременно не порвалась, пока ящик не сгорел.

— Генерал, всё готово, — доложили солдаты, после чего в таком огромном пространстве вновь неожиданно воцарилась мёртвая тишина.

В глазах множества неосведомлённых людей отразился страх. И не потому, что им не покажут убийство, а лишь потому, что заживо сожгут невинного человека...

Вот только Лэ Тин пребывал в обычном расположении духа, проявляя удивительную хладнокровность, и без колебаний приказал:

— Возьмите преступника и посадите в ящик. Подготовьте факел!

— Слушаюсь! — солдаты потащили обмякшего Чао Аня, которому ничего не осталось, как дрожать, и перед лицом всего народа запихнули в деревянный ящик.

Когда начали забивать деревянную конструкцию, стук молотка эхом разлетелся по площади перед городскими воротами, у присутствующих зевак сердце ёкнуло от этого звука.

Но помощник чиновника по-прежнему был обеспокоен проклятием и хотел как можно скорее избавиться от него, и вновь прошептал:

— Генерал, нам нужно как можно скорее подвесить ящик и сжечь.

— Не торопись, — блёкло проронил Лэ Тин, — позволь им покрепче заколотить ящик.

Шутка ли, но всё же нельзя было сразу вешать ящик. Ведь план достиг крайне важного шага — выживет ли человек или умрёт, скоро будет видно.

Используя шум молотка, которым сейчас орудовали солдаты, как прикрытие, спрятанные под помостом приближённые слуги действовали согласно первоначальному плану: широкими полосьями открыли дно ящика, оттуда вытащили Чао Аня, а затем засунули туда облачённый в его одежду труп, который телосложением напоминал спасённого. После того, как всё было

выполнено, вытасченную деревянную рейку слуги вновь вколотили на место. Иначе, когда ящик подвешат, а в нём будет огромное отверстие, разве это не станет большой потехой? Сейчас нужно было тянуть время столько, сколько можно.

— М... Генерал, должно быть, ящик уже почти заколочен?

— Ещё немного, так как доски ещё слабовато держатся.

Молчание.

— Генерал, по-вашему... он уже основательно заколочен? Солдаты слишком долго возятся с ящиком...

— Нельзя, чтобы рейки ослабли, иначе при сжигании заключённый от боли впадёт в отчаяние и начнёт их выбивать. Что будем делать, если он вывалится? Капли крови коснутся земли, и боюсь, ты и я станем проклятыми, правильно?

— Это... это...

— Немного терпения, скоро всё будет готово. Я тоже переживаю за наше с Вами будущее.

Работа с ящиком длилась уже больше полутора часов, и только после этого покрытые потом солдаты получили приказ остановиться.

— Подвесить его! — вновь послышался приказ генерала.

Солдаты потянули грубую верёвку, и деревянный ящик, покачиваясь, начал подниматься, позволяя всем увидеть представление как можно лучше.

— Поджигай! — прозвучал холодный приказ, а всех присутствующих охватила холодная дрожь.

Стоило к пропитанному маслом ящику едва поднести огонь, как он тотчас же начал потрескивать, охваченный пламенем. Все смотрели на эту сцену, дрожа от страха, из ящика же внезапно донеслись несколько гнетущих ударов, как будто кто-то из последних сил боролся, стараясь вырваться наружу.

— Человек! Внутри человек стучит! — пронзительно закричал кто-то из толпы, указывая на ящик.

Каждый трепетал, в ужасе глядя на висящий ящик. Уж слишком страшно выглядела казнь!

— Слушай! Слушай! Действительно стучит!

— О, Небеса, он мечется внутри!

Визг медленно охватывал толпу. А несколько малодушных людей, увидев охваченное огнём место казни, упали в обморок.

Семья несчастного преступника: Тайцань, жена, не говоря уже о матери Чао Аня, при виде ужасающего зрелища начали сетовать и падать в обморок. Сяо Лю, который являлся непринуждённым зрителем данного спектакля, услышав доносящийся из ящика шум, внезапно испугался: «Неужели и впрямь живьём бросили в огонь? А иначе кто может отчаянно биться внутри? Неужели спасли одного ценой жизни другого?» — и косо посмотрел на Лэ Тина, лицо которого пребывало в спокойствии, да что уж там, на нём даже страх не отразился.

Вскоре, когда большая часть деревянного ящика уже сгорела, дно, не выдержав нагрузки, внезапно расколосось, и из образовавшийся дыры вывалились обугленные останки, от которых посыпались искры, когда тело ударилось о помост.

Наверняка, когда преступника облили огненным маслом, хотели, чтобы сгоревшие останки никто не мог опознать. Народ, вскрикнув, отвернулся, даже сидящие на верхнем помосте чиновники не могли смотреть на данную картину и рукавами прикрывали лица.

Лэ Тин, в свою очередь, смотрел на сгоревшие останки, чувствуя, как груз, столь долго висевший на сердце, наконец-то свалился. Подавив зевету, мужчина поднялся с места и обратился к бледному, словно полотно, помощнику:

— Преступник казнён, проклятие устранено, так что скорее возвращайтесь к себе, помойтесь и съешьте что-нибудь вкусное. — После чего запрокинул голову и с усмешкой повернулся к находящимся сзади чиновникам, которые сейчас пребывали в растерянности от столь ужасающего зрелища. Сложив руки в знак почтения, генерал откланялся и самодовольной походкой покинул сцену, оседлал коня и в окружении толпы телохранителей отправился к себе в резиденцию.

Смотрящий на помост, где только что произошло ужасное наказание, народ наперебой вздыхал и, качая головой, начал расходиться, а Ло Юнь с Жун Ху, по-прежнему стоя по левую и правую стороны, зажимали князя, после чего вывели к месту казни. Позади шли двадцать телохранителей, которые до этого притворялись зеваками, а сами тайно окружили Его Светлость со всех сторон, обеспечивая охрану.

Толпа тотчас же направилась в отдалённое место, где была спрятана небольшая лодка, после они вернулись на борт большой джонки.

Цю Лань и остальные ждали, пребывая в крайне взволнованном состоянии. Увидев, что князь вернулся, слуги спешно собрались на палубе, встречая и неоднократно допрашивая:

— Что в итоге? Спасли несчастного? Магическое представление закончилось успехом? — Они со всех сторон буквально напирали на князя.

— Князь Мин, почему ничего не рассказываете?

— Неужели не получилось?

— Ой, князь Мин, что с Вашим лицом? Князь Мин, не пугайте нас, лучше скорее расскажите, как всё прошло!

— Князь Мин, даже если не спасли, Вы сделали всё, что могли, потому ни в коем случае не принимайте близко к сердцу.

— Сам смог благополучно вернуться, и то хорошо...

Простояв долгое время в недоумении, Фэн Мин медленно сжал кулаки и, окинув взглядом окруживших его слуг, приглушённо проговорил:

— Я понял.

— Князь Мин, что Вы поняли? — с беспокойством спросила Цю Юэ.

— Я понял, — вновь приглушённо повторил князь и, медленно обведя взглядом слуг, искривил рот в улыбке, которая до крайности расцвела на лице, и в экстазе закричал: — Оказывается, я потенциальный фокусник! К тому же крайне талантливый и самый выдающийся мастер в мире! Ха-ха, я высочайший мастер волшебства! — Помимо того, что князь от успеха не чувствовал ног под собой, он крепко обнял Цю Лань и так же крепко её поцеловал, а после со смехом произнёс: — Я никогда не проводил столь магического представления, как жаль, что Цю Лань и вас там не было. Цю Юэ и Цю Син не нужно горевать, этот князь Мин в утешение расцелует и ваши щёчки...

Близняшки с визгом увернулись и, краснея от стыда, отозвались, смеясь:

— Князь Мин от радости обезумел, беспорядочно обнимаете и целуете, неужели не боитесь, что государь узнает об этом и накажет Вас?

— О, Небеса, спасите и сохраните, — молитвенно сложив руки, пробормотала благодарность Небу Цю Лань. — Князь Мин вновь спас невинного человека, Владыка неба-а, сохрани в памяти добрый поступок нашего князя Мина и обязательно спаси и сохрани такого хорошего человека, как князь Мин, и чтобы ни одна беда не коснулась его на пути...

Примечания:

[1] 十萬萬 (zhuìyīngwànsǐ) букв. десять тысяч смертей.

[2] В оригинале фраза звучит как «руки пляшут, ноги притоптывают» обр. в знач.: прыгать от радости.

[3] 發瘋 (fā diān) иероглифы переводятся как "эпилептический припадок, психический приступ".

[4] Обр. в знач.: потрясающий, поразительный; оглушительный.

[5] В оригинале фраза звучит как «десять тысяч голов двигаются скопом» обр. о волнующихся массах народа, оживлённой людской толпе.

[6] Часть фразы отсылает к идиоме «убил человека — заплатишь жизнью», взял в долг — верни; ср. умел взять - умеи и отдать;

[7] Импровизировал, оттягивая время до последнего.

[8] Благодатный дождь после долгой засухи; получить долгожданный дождь в засуху; дождь, выпавший после продолжительной засухи, подобен манне небесной; обр в знач.: После трудностей наконец реализовалась долгожданная мечта.

[9] Обр. в знач.: великий и могучий, гигантский, могущественный, гигант, исполин; сильный, крепкий. Но в данном случае имеется в виду, что Чао Ань ходит под небом.

[10] Око за око [11] Обр. в знач.: совершенно незаметно, в глубочайшей тайне; потихоньку, тайком, скрытно, тихо и незаметно.

[12] 火油 (huǒyóu) — можно перевести как "огненное масло", так и "керосин"

<http://bllate.org/book/13377/1190221>